РАССКАЗ ДЕСАНТНИКА КЕННЕТА КОРДРИ (KENNETH CORDRY – 1924-2014)

3-й Батальон - 502-й Полк - 101-я Воздушно-десантная Дивизия

Февраль 1943

Меня взяли в армию в феврале 1943-го. После медицинского и психологического тестирования мы отправились куда-то на поезде с занавешенными окнами. Все держалось в секрете, делалось это для того, чтобы данные о передвижении войск не попали в руки врага. Ну а мы сидели и гадали, куда попадем – на Тихий океан или в Европу... Поезд прибыл в лагерь *Кэмпбелл/Camp Campbell*, штат Кентукки. В то время это была база бронетанковых войск, где я пробыл несколько месяцев. Затем я был переведен на базу подготовки воздушно-десантных частей в *Форт Беннинг/Fort Benning*, штат Джорджия. В первый же день новичков отмаршировали к большому полю, чтобы посмотреть, как выглядит массовая высадка воздушного десанта. Большинство из нас до сих пор ни разу не видело парашюта. Над полем появились самолеты. У одного из парней не раскрылся парашют, и он упал на землю прямо напротив нас. Нам приказали помалкивать о случившемся и сказали, что те, кто не хочет в десант, могут получить перевод в другие рода войск. Довольно много ребят покинули лагерь за пару дней, но я хотел стать десантником и остался. Оставшиеся приступили к подготовке и получили зачет после 5 прыжков. Кроме нас укладывать парашюты было некому, и мы занимались этим после обучения день за днем. Мы не могли полагаться на то, что хорошо знаем, как укладывать парашюты, и это не добавляло нам уверенности в себе...

Из Форт Беннинга я попал в лагерь *Макколл/Camp Mackall*, штат Северная Каролина, затем в *Форт Мид/Fort Meade*, штат Мерилэнд. После всего этого мы отправились в Европу на небольшом судне с британской командой. Плавание заняло 13 дней, большинство из нас страдало от морской болезни и не могло есть. Я мог затолкать в себя только консервированный фруктовый коктейль, и это дало мне силы выдержать дорогу через океан. В итоге мы прибыли в порт Бангор/Bangor (Ирландия).

Январь 1944

Из Ирландии мы отправились в Chilton-Foliat/Чилтон-Фолиэт (Англия) и продолжили боевую подготовку. Осваивали ночные прыжки и ночное ориентирование на территории, напоминающей побережье Нормандии. Во время обучения в районе *Slapton Sands* случилась катастрофа – около 700 (на самом деле – 946) солдат утонули во время учебной высадки на побережье после того, как немецкие торпедные катера потопили несколько десантных судов… Нас ознакомили с планом боевых действий в день высадки и проинструктировали. Объявили запрет на выход из лагеря и общение с местными жителями во избежание утечки информации. В конце концов, нас перевели в полевой лагерь, огороженный колючей проволокой. Все, что нам оставалось делать, есть и готовить снаряжение. Кормили нас отлично, и некоторые шутили: «Нас откармливают перед тем, как отправить на бойню...»

Перед одним из прыжков в период подготовки к высадке в Нормандии. Кеннет Кордри – второй слева от прохода (из книги Mark Bando. 101st Airborne: The Screaming Eagles at Normandy)

Июнь 1944 года

Вечером 5 июня мы поняли, что высадка будет вот-вот, когда нам приказали одеть на себя полевое форму и генерал Эйзенхауэр пришел, чтобы пообщаться с солдатами.

Эйзенхауэр беседует с солдатами 502-го Полка перед отправкой десантников в Нормандию

Когда наступили сумерки, мы погрузили на себя боевое снаряжение – все это весило больше 100 фунтов в дополнение к основному и запасному парашютам. Тяжесть была такой, что каждому потребовалось двое помощников, чтобы забраться по лестнице в самолет. Было около 11 часов, когда мы поднялись в воздух. При приближении к французскому побережью наш самолет начал сваливаться то на одно, то на другое крыло и вилять, старясь увернуться от огня зениток противника. Летчики должны были оставаться в едином строю и сбросить нас в заданных местах, но многие из них отклонились от курса и побросали нас где попало. Наш пилот сбросил нас относительно близко к запланированному участку, но на слишком малой высоте и на такой скорости, что большую часть нашего снаряжения с нас просто сорвало в момент раскрытия парашюта. Я был в воздухе всего несколько секунд, но был ошарашен шумом и видом трасс пулеметных очередей. Удар о землю был сильным, но я не был травмирован. Первый же парень, на которого я наткнулся, был из моей группы. Он сказал, что ранен и не может избавиться от парашюта. Я разрезал ремни, осмотрел его, и мы пришли к выводу, что он так жестко приземлился со всем своим грузом, что ему просто показалось, что его ранило... Над нашими головами проносились автоматные очереди. Мы пошли в противоположную сторону и вскоре наткнулись на четверых или пятерых парней из нашей роты. Всей группой мы отправились в сторону пляжа, где нам полагалось взять под контроль дорожную насыпь, которую потом смогли бы использовать наши десантируемые с моря войска ...

Вскоре, когда начало рассветать, мы понесли первую потерю. Снайпер, засевший в фермерском доме, застрелил одного из нас, когда мы подходили к этому дому. Мы стали еще ближе к реальности, когда тронулись дальше и увидели поле с множеством парашютов, из-под которых торчали солдатские башмаки... Пройдя несколько миль, мы вышли к насыпи, ведущей к пляжу. Я занял позицию по одну сторону дороги, парень, на которого я наткнулся в самом начале, - на противоположном краю. Посматривая в сторону пляжа, мы вдруг увидели, как сотни людей двигаются по насыпи в нашу сторону. Небольшая группа человек в 7-8, оторвавшись от остальных, приблизилась к нам, и мы разглядели. что это были немцы! Они увидели нас только тогда. Когда мы вскочили на ноги и потребовали, чтобы они сдались в плен, они подняли руки. Мы заметили, что один из них ранен – кровь стекала с его головы. Некоторые из немцев дали понять, что хотят, чтобы мы их расстреляли. По-видимому, им говорили, что американцы будут их пытать и издеваться над ними. Мы отвели их на ферму, где были наши офицеры, которые сортировали и допрашивали пленных. Остаток дня мы были заняты тем, что задерживали отбившихся от своих и заблудившихся немцев, которые брели в нашу сторону от побережья.

Следующие два дня мы наблюдали за ужасающими последствиями артобстрелов и бомбежек, в чем постарались обе стороны – и союзники, и немцы. Трупы людей и домашних животных, невыносимый запах тления – все это угнетало и загоняло в депрессию ... После успешной высадки морского десанта и зачистки побережья перед нами была поставлена задача захватить городок Карантан/Carentan – важный дорожный узел. Здесь сходились дороги, которые должны были обеспечить союзникам прорыв с полуострова Котантен/Cotentin вглубь французской территории. Сражение за Карантан для нашего батальона было, вероятно, самым ожесточенным за всю войну. Нам приказали войти в город по насыпи, окруженной прибрежными маршевыми болотами, пройдя несколько небольших мостов по дороге. Над болотами возвышались небольшие бугры, на

которых находились немецкие пулеметные точки. Перед самым городом стояли немецкие 88-миллиметровки, готовые разнести любую приближающуюся машину.

Итак, половина батальона заняла позицию по одну сторону насыпи, тогда как другая половина поджидала в долине небольшого ручья, чтобы в наступающей темноте выбраться на дорогу. Во время этого ожидания два немецких пикирующих бомбардировщика атаковали нас, отбомбились и обстреляли из пулеметов. Наступила темнота. Я был отправлен подбирать раненых. Еще с одним парнем я таскал носилки с ранеными, причем иногда их приходилось оттаскивать метров на 400 от того места, где мы их подбирали. Этим мы занимались до утра, и, когда наступил рассвет, я оказался под огнем откуда-то со стороны болота. Спрятаться я мог только у подножия насыпи в бурьяне, по мне палили все утро, и я до сих пор не понимаю, почему в меня ни разу не попали. Через несколько часов я решил подняться и рвануть к своим по насыпи и, далее, через мостик. Мой напарник куда-то делся, я был один. Когда я выполз из болота и взобрался на насыпь, я увидел буквально тысячи пуль, разбросанных вокруг того места, где я только что прятался. Это были раскрашенные в красный, желтый и голубой цвет *деревянные* пули! Больше я их ни разу не видел. [Деревянные пули фигурируют в воспоминаниях многих ветеранов – это были учебные пули]. Когда я перебегал через мостик, выяснилось, что немцы готовы палить из своих 88-миллиметровок даже по одиночному солдату противника! Я даже почувствовал, как меня коснулась воздушная волна от пролетающего совсем рядом снаряда. Скатившись по противоположной стороне насыпи вниз, я стал то ползком, то на четвереньках пробираться в сторону города и ощутил, что стрелять по мне стали меньше. К полудню стрельба совсем стихла, и вскоре я заметил машину с белым флажком на капоте, приближающуюся ко мне и набитую ранеными немцами и американцами. Еще несколько наших раненых ковыляли в сторону наших позиций, и в одном из них я узнал инструктора, который когда-то учил меня прыгать с парашютом. Через несколько минут машина вернулась обратно, и стрельба возобновилась с той же интенсивностью, что и утром. Так продолжалось до самых сумерек, и наши ребята стали неорганизованно возвращаться к тому месту, откуда мы начали движение утром. Никто не знал, чем кончился бой и удалось ли нам ворваться в город. На меня наткнулся какой-то совершенно измученный парень, и мы вдвоем побрели назад. Мы наткнулись на какой-то крольчатник, забрались туда, укрылись соломой и заснули...

Проснувшись, когда уже было светло, мы осторожно выбрались из соломы, посмотрели по сторонам через щели между досками и никого не увидели: ни немцев, ни американцев. С несколько бóльшей уверенностью мы вышли из сарая и увидели своих солдат в саду ярдах в ста от нас. Мы побежали к ним и услышали отличные новости: ночью немцы отошли. Это было значимое событие не только потому, что Карантан был в наших руках, а еще и потому, что наш командир батальона полковник Коул [точнее, командир 3-го Батальона подполковник Robert George Cole, 19 марта 1915 – 18 сентября 1944] получил *Медаль Почета* за то, что сам повел солдат в штыковую атаку, в результате которой противник был выбит из помещений фермы и сопредельных позиций. В тот же день, позднее, мы промаршировали через Карантан. По улицам были разбросаны трупы наших и немцев. Именно тогда мы узнали, что нам противостоял 6-й Полк немецких десантников – элитное подразделение.

Вслед за взятием города мы занялись зачисткой территории от небольших групп отступающих немцев. Затем мы получили приказ вернуться в Англию. Это был приятный момент. Следующей миссией была высадка в Голландии, пришедшаяся на середину сентября. До этого, в одно из воскресений, когда мы находились в Чилтон-Фолиэт, сержант

зашел в казарму и крикнул: «Кто хочет принять участие в прыжке на точность приземления и выиграть бочонок пива для роты?» Я вызвался, хотя не имел понятия о том, как маневрировать парашютом и направлять его на стог сена (такая была цель). Отобрали десятерых парней, цель обозначили кругами. Я был последним из прыгавших и имел возможность видеть, где был самолет по отношению к цели и где приземлялись прыгнувшие ранее. Я прыгнул и попал туда же, куда и парень, приземлившийся наиболее близко к цели. Больше всех был удивлен я сам, когда выяснилось, что я выиграл состязание. Хотя это и не было большим достижением, оно прибавило мне популярности в роте на какое-то время.

Сентябрь 1944 года

Высадка в Голландии должна была состояться в дневное время. Она была лучше запланирована по сравнению с высадкой в *День Д*, так как в ней были учтены прошлые ошибки. Полет к точке выброса проходил гладко безо всякой стрельбы по нам из зениток, пока мы не приблизились к точке высадки – городку Сон. Вообще, самолеты хорошо держали строй в отличие от фиаско, которое случилось с нами в *День Д*. Все шло хорошо, пока я не шагнул в дверь и меня не ударило чем-то в подбородок, да так, что я потерял сознание. Я пришел в себя непосредственно перед приземлением и потом опять отключился. Меня ударило либо осколком зенитного снаряда, либо обломком чего-то, либо частью чьего-то снаряжения. Когда я пришел в сознание, один из парней с нашего самолета зашивал мой подбородок.

Нам было необходимо покинуть зону высадки как можно быстрее и начать продвижение к цели, чтобы оседлать шоссе, по которому должна была пройти британская бронетехника. Британцы должны были быстро проскочить по шоссе к Рейну и прорваться на территорию Германии. План выглядел неплохо, но часто немцам удавалось использовать укрепленные позиции на дороге и задерживать продвижение британских танков. Наш батальон получил приказ отбить у немцев мост в городке Бест/Best. Это оказалось более трудной задачей, чем предполагалось, и немецкие снайперы начали наносить нам потери. Артиллерийский огонь загнал нас в спешно вырытые окопчики, и слух о том, что приближаются немецкие танки, сделал ситуацию еще более тревожной. Наш командир батальона Коул вызвал авиацию и сам пошел в поле с солдатами обозначать знаками из цветной материи наши позиции, чтобы летчики не спутали нас с немцами. В этот момент он и был убит снайпером. Один из офицеров приказал выстрелить из базуки по дому, стоявшему через дорогу от нашего окопчика. Поскольку у нас была базука, мы выбрались из окопчика и подожгли этот дом. Я не стрелял из базуки со времени обучения, и мой первый выстрел прошел над крышей. Второй попал точно в цель, и через несколько минут четверо немцев выскочили из дома с поднятыми руками. Мы были удивлены тем, что двое немцев стали просить нас жестами расстрелять их. Вообще, это случалось несколько раз, когда мы брали немцев в плен. Нам сказали, что один из них был снайпером, который убил нашего полковника.

Наше положение оставалось непростым, так как к нашим позициям приближались немецкие танки и артиллерия. В конце концов, к месту событий прилетели наши самолеты и обстреляли немцев, но это их не остановило. Наступили сумерки – как раз вовремя. Подошли британские танки, и парашютисты пошли за ними в атаку. Немцы начали сдаваться сотнями. Их строили на дороге и отправляли в тыл под охраной в пропорции один конвоир на сотню военнопленных.

Опознавательные знаки из светящейся цветной материи, применявшиеся воздушно-десантными частями армии США в Нормандии и Голландии

После этого боя мы удерживали шоссе какое-то время, а затем продвинулись к Рейну, ближе к немецкой границе. Британские парашютисты высадились на противоположном берегу Рейна в Арнеме, но плохое планирование привело к тому, что, не имея тяжелого оружия, они были вынуждены капитулировать. Весь десант был уничтожен за исключением тех, кто сдался в плен. Эта неудача стала заключительным аккордом неудачной попытки ворваться в Германию через Голландию. Считалось, что отсутствие должной агрессивности у британских танкистов обрекло британских парашютистов на неудачу. Американские парашютисты переправились через Рейн на подручных средствах и выбили немцев с противоположного конца моста, но британские танкисты медлили и не сумели воспользоваться этим мостом, чтобы пробиться к своим. Американским парашютистам пришлось отступить, так как у них не было тяжелого вооружения, чтобы противостоять немецким танкам.

Были и занятные моменты. Перед высадкой в Голландии нам раздали противотанковые гранаты *Gammon*. Поскольку нас не было тяжелого противотанкового вооружения, его должны были заменить эти гранаты. Когда мы их увидели, у нас возникли сомнения по поводу их возможной эффективности в борьбе с танками. Это были закрытые мешочки размером с грейпфрут, заполненные *C2* – взрывчатым веществом, выглядевшим, как влажный коричневый сахар. Мешочек имел небольшой детонатор, который должен был взорвать гранату при ее ударе о танк. Что и говорить, нас не особенно привлекала идея атаки на танк с помощью такого мешочка, который предполагалось бросать с небольшого расстояния. По счастью, мне так и не пришлось протестировать этот вид оружия. Однако мы нашли применение взрывчатому веществу – заполнителю. Мы заметили, что, если взять палку и воткнуть ее в землю дюймов на пять, можно забить взрывчатое вещество в сделанную таким образом ямку и затем зажечь его. Вырывавшееся из ямки пламя было очень эффективным для кипячения воды в металлической кружке, просто за секунды можно было подогреть кофе. Поскольку в Голландии у нас были британские рационы, то мы вскипятили колоссальное количество кружек чая над такими очагами …

Проведя несколько недель на голландско-немецкой границе, мы получили приказ перебазироваться в городок Мурмелон/Mourmelon во Франции. Было приятно вновь оказаться в казармах после долгого пребывания на передовой. Нам давали увольнительные для поездок в Париж, и хотя служба шла своим чередом, настроение у всех было приподнятое.

Декабрь 1944 года

Как-то вечером я сидел на нарах, чистил башмаки и приводил в порядок форму, готовясь к поездке в Париж, когда кто-то вошел в казарму и прокричал: «Собирайте вещи, утром выступаем.» Все подумали было, что это какая-то шутка, но вскоре приказ получил подтверждение, и мы всю ночь собирались и готовились к следующей миссии. К рассвету мы забрались в грузовики и отправились к неизвестному месту назначения. Мы двигались на север, денек был довольно пасмурным. Через какое-то время нам стали попадаться бредущие навстречу американцы, и многие из них кричали нам: «Вас ждут неприятности!» Мы все еще не знали, куда нас везут и о чем говорят отступающие солдаты. Они продолжали идти нам навстречу, и так вплоть до наступления темноты. В итоге, мы остановились неподалеку от бельгийского городка, название которого мы узнали позднее – это была Бастонь/Bastogne.

На следующий день погода изменилась – пошел сильный снег, и стало ясно, что мы страшно плохо экипированы для таких условий. Тем не менее, все вокруг стало очень красивым, было приятно идти по засыпанному снегом хвойному лесу, в котором все звуки были как будто приглушены. Мы пока не видели противника, но была уверенность в том, что так не может продолжаться долго. И точно – на следующий день мы получили приказ продвигаться вперед, пока не столкнемся с противником. Мы двинулись по заснеженной дороге и, пройдя несколько миль, неожиданно попали под огонь 88-мм орудий, минометов и пулеметов, срезавших деревья вокруг нас. Мы прижались к земле и начали окапываться, но наши инструменты плохо рыхлили промерзший грунт. У нас были убитые и раненые, на этот раз мы несли потери еще и от падающих тяжелых ветвей. Наш сержант-связник получил такой удар по спине упавшей тяжелой ветвью, что его пришлось эвакуировать в тыл. Он вернулся в часть только в самом конце войны. Еще один парень был контужен разрывом снаряда. Он выбрался из окопчика и начал бродить посреди разрывов. Каким-то чудом в него ничего не попало, и его удалось затащить обратно в окоп. Через несколько дней, когда его спросили, почему он принялся бродить среди окопов, он сказал, что у него было предчувствие, что в него так и так попадут. Предчувствие не обмануло его: через несколько дней, когда он сидел в окопе, тяжелый снаряд упал рядом, и, хотя он и не разорвался, на парня рухнула глыба смерзшейся земли, которая раздавила его. Вот такая превратность солдатской судьбы …

Одним утром я и еще один парень оказались посреди заснеженного поля, когда неожиданно рядом с нами упала и разорвалась мина. Мы плюхнулись на землю и зарылись в снег. За первой мной последовал еще десяток, причем каждая следующая ложилась все ближе и ближе к нам. Я понимал, что нас вот-вот накроет, и, когда наступила пауза, мы вскочили и понеслись к ближайшему лесу. В тот же день мы еще раз побывали на этом месте и увидели, как близко к нам падали мины. Почему нас не задело, так и осталось для нас загадкой … Через несколько дней мы закрепились на оборонительной позиции. Отрыли окопчики позади какого-то сарая, в котором раньше держали скотину. Сарайчик был размером 6 х 9 футов, что касается высоты, в нем едва можно было распрямиться. Мы назвали его «свинарником». Восемь человек, включая меня, использовали сарайчик для ночевок, при этом в нем не бывало одновременно больше четырех человек. Спали мы в одежде, обувь не снимали. Наша одежда была настолько грязной и засаленной, что стала почти водонепроницаемой. Отапливали мы наш сарайчик песком, смоченным бензином – этот очаг держал огонь довольно долго [обычно в пустую консервную банку насыпали песок, смачивали бензином и поджигали].

Горелка из песка, смоченного в бензине. Этот «очаг» использовался солдатами еще во время военных действий в северной Африке, поэтому его часто называли Benghazi Stove

Затем пришел приказ покинуть этот участок, и мы выдвинулись на вершину холма, отстоявшего от немецких позиций примерно на милю. Наши спальные мешки остались на прежнем месте, так что по ночам погода властвовала над нами. Холод начал сказываться, и у некоторых появились признаки обморожения. Нам приказали разуваться и менять носки раз в день, а также массировать ступни для предотвращения обморожения.

Десантники в очереди за едой. Зима 1944/45

Наступила одна из ночей. Я проходил мимо одного из солдат, который сидел на большом валуне, и крикнул: «У тебя все ОК, Мэк?» Он кивнул. На следующее утро я вновь проходил мимо него и увидел, что он все еще сидит на этом месте – парень замерз окончательно и умер от переохлаждения. В одну из других, очень холодных ночей я и еще один парень не могли найти для себя пристанище для ночлега, поскольку все блиндажи были забиты дрожавшими от мороза солдатами. Мы почувствовали судороги в мышцах и поняли, что надо что-то делать, чтобы просто не окочуриться от холода, и решили оставаться на ногах и ходить всю ночь напролет. Наутро примерно в пятидесяти ярдах от того места, где мы ходили кругами всю ночь, я наткнулся на покрытый бревнами блиндаж, в котором сидело шестеро наших солдат и пара немцев. Все они грелись у очага, в котором горел вымоченный в бензине песок. Оказалось, что немцы сдались в плен сами и провели ночь довольно комфортно, тогда как я и мой приятель промерзали до костей всю ночь!

Такая кутерьма была типична для тех зимних дней под Бастонью. Передовые линии были перепутаны, и мы толком не знали, где удерживали позиции мы, а где немцы. Наш командир батальона и его радист были убиты бомбой, сброшенной с американского самолета. В Рождественский день большая группа немецких танков прорвала нашу линию обороны и начала продвигаться к штабу. Мы ринулись к нашему окопу, хотя при этом знали, что у нас никакого оружия, чтобы остановить танки. Мы уже слышали лязг танковых гусениц, когда из соседнего перелеска появились наши «истребители танков», о присутствии которых мы и понятия не имели. Они открыли огонь и остановили танки противника. Затем немцы прислали группу [парламентеров] и призвали нас сдаться. Это был тот самый случай, когда генерал Маколифф сказал им свое знаменитое «nuts».

Упорное сопротивление десантников, видимо, охладило наступательный пыл немцев на всех участках, где они пытались прорваться. Мы закрыли им доступ к узлу дорог, по которым могли продвигаться их танки, и их планы прорваться к побережью так и остались планами… Наш полк попадал в окружение в каждой кампании. Мы были в котлах в Нормандии и в Голландии, и теперь опять оказались во вражеском кольце в Бастони. Большую часть времени, которое мы провели в Бастони, небо было затянуто тучами, и шел снег. Иногда немцы по ночам бомбили Бастонь, но вплоть до улучшения погоды обе стороны были малоактивны в небе. Когда же выглянуло солнца, в воздухе появились самолеты *Тандерболт/Thunderbolt* и обрушились на противника. Часто бомбы падали так же близко к нам, как и к немцам. Тогда-то и были убиты по ошибке командир батальона и его радист. Вообще, было много пострадавших по случайности или от огня своих же, но от этого никуда не денешься, когда находишься столь близко к позициям противника. Улучшение погоды совпало по времени с прибытием на наш сектор фронта бронетанковой техники генерала Паттона (George Patton). *Выступ* был прорван, и пришло наше время наступать.

Во время этого наступления я и был легко ранен при продвижении через дорожный перекресток, который немецкие пулеметчики держали под прицелом. Я и еще один парень успели нырнуть в канаву, но мою руку задело пулей. Мы вернулись на перевязочный пункт, мне сделали повязку, и вскоре мы снова были в пути. Нашу дивизию повернули на юг в сторону Баварии и Австрии. Так из холодных лесов Арденн мы переместились в живописные горы южной Германии. Здесь нам удалось немного расслабиться. В этих местах меня нашел и навестил мой брат: он служил в бронетанковой дивизии, и у него была возможность воспользоваться джипом.

Май 1945 года

Мы находились в городке Кемптон/Kempton, в Австрии, когда Германия капитулировала. Какое-то время мы исполняли функции оккупационных войск в протяженной долине, ведущей в Италию, потом расположились в районе резиденции Гитлера *Kehlsteinhaus*. Мы были как будто в отпуске. Впервые за два года у нас была возможность включать ночью свет и слушать музыку из Штатов по радио. Первая песня, которую я услышал, называлась *Don't Fence Me In*. Как это было здорово! Все было хорошо, за исключением того, что мы ходили голодными. Наши линии снабжения были настолько растянуты, что до нас просто не доходили наши рационы. Картошка, которую было не с чем жарить, быстро надоела. Нам объяснили, что большую часть наших рационов теперь отдают немецкому гражданскому населению, которое было в отчаянном положении. Действительно, дети собирались вокруг наших полевых кухонь и выскребали насухо наши котлы и кастрюли прежде чем их отмывали. Как только закончилась война, мы получили приказ, запрещающий братание с противником. Этот приказ соблюдался на протяжении одного дня, после чего его просто стали игнорировать. Вообще, появился он потому, что наше правительство решило, что с немцами обошлись слишком мягко после ПМВ. Так или иначе, армия состояла из молодых парней, а среди гражданских было много привлекательных девушек, поэтому контакты с местным населением было невозможно остановить. Мы хорошо провели время в Австрии: жили мы в домах, которые реквизировали у местных. Часто хозяева жили в одной части дома, мы – в другой. Мы старались не думать о том, что нас могут перебросить на Тихий Океан и снова отправить в бой.

Август 1945 года

В конце концов, нас вернули во Францию. Поскольку война с японцами еще на закончилась, мы должны были оставаться в учебном лагере и проходить боевую подготовку в ожидании отправки на Дальний Восток. Частью подготовки был прыжок с парашютом. Мой прыжок прошел без происшествий, однако один парень не хотел больше рисковать и попросил меня прыгнуть за него. Я согласился, и, когда подошла его очередь, я назвался его именем и сделал еще один прыжок. Этот прыжок едва не закончился катастрофой. Спускаясь, я угодил на купол другого парашюта. Разумеется, это было опасной ситуацией, поскольку находившийся ниже парашют лишил мой воздуха, и я стал падать быстрее. Кроме того, под тяжестью моего тела на куполе нижерасположенного парашюта образовалась яма. Когда такое случается, парашютист, находящийся ниже, кричит тому, кто выше: «Соскальзывай вправо!», а сам старается сдвинуться в противоположном направлении, чтобы оторваться. В тот раз это сработало, и все обошлось …

Япония капитулировала, война окончилась. Мы вернулись в Штаты на маленьком судне, и опять это заняло 13 дней. Прибыли мы порт поблизости от городка Хэмптон Роудс/Hampton Roads в штате Вирджиния. Поскольку мы увидели США в первый раз за три года, самым ярким впечатлением были цвета женских платьев на причале. Ярко-красный, желтый, голубой – это было все то, что мы не видели в Европе на протяжении долгих месяцев. Я вернулся в Миссури на поезде и в казармах *Jefferson* города Сент-Луис/St. Louis был демобилизован. Оттуда я направился домой, к семье, члены которой даже не знали, что я уже в Штатах. Возвращение домой прошло без особых восторгов. Домой возвращались миллионы, и люди перестали впадать в экстаз от этого.

Во время войны со мной случилось несколько необычных событий. В Голландии одним утром, когда мы поедали наши рационы, сидя на склоне холма, над вершинами деревьев пронесся самолет. Все загудели: «Что за чертовщина!» Позднее мы пришли к заключению, что это была немецкая ракета. Раньше мы ее никогда не видели. То же самое случилось

во время боев за *Выступ*, когда мы увидели в небе след от ракеты *V-2.* Позднее мы узнали, что эти ракеты нацелены на Лондон …

Одной из сторон войны, которые ошеломляют тебя, была собственная различная реакция на ужасные сцены, которые приходилось наблюдать. На некоторые из них вообще не реагируешь, тогда как, на первый взгляд, заурядная царапина может вызвать тошноту и головокружение. Через пару дней после высадки в Нормандии я и еще один парень были в патруле и занимались поиском яиц, чтобы поесть. По дороге обратно к своему посту мы увидели грузовик, в который собирали трупы. Мы проголосовали, забрались в кузов, огляделись и увидели, что он полон обгоревших человеческих тел. Труп, лежавший наверху, был без головы, и солдатский жетон болтался на обрубке шеи. Мы спрыгнули с грузовика и вежливо отказались от того, чтобы нас подбросили до места. Каким бы мрачным ни был этот эпизод, он не подействовал на меня так тяжело, как случай, последовавший вскоре за ним. Был теплый день, мы маршировали через какую-то маленькую деревню. Обогнули угол и наткнулись на труп, лежавший на дороге. Это был один из капралов нашей роты. Эта картина подействовала на меня сильнее, чем любая другая из тех, которые я наблюдал во время войны…

Оригинальный текст -

http://www.normandy1944.info/php/zoeken/search.php?zoom_query=war&zoom_page=8&zoom_per_page=10&zoom_and=1&zoom_sort=0

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org